

ОБРАЗЫ КАМЧАТКИ В ВИЗУАЛЬНОМ АРХИВЕ ЭТНОГРАФА ЕЛИЗАВЕТЫ ОРЛОВОЙ

Е.В. Головнева

Елена Валентиновна Головнева | <https://orcid.org/0000-0002-0709-4615> | golovneva.elena@gmail.com
| д. филос. н., профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии |
Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

Е.П. Орлова, визуальная антропология, экспедиционный фотопроект, этнографическая фотография, коренные народы Камчатки, Киноатлас СССР

Аннотация

На основе архивных источников рассматриваются визуальные материалы ленинградского этнографа Е.П. Орловой (1899–1976) — исследовательницы севера Сибири и Дальнего Востока, созданные во время ее экспедиций на Камчатку в 1920–1930-е годы, в эпоху социалистического строительства края. Экспедиционные визуальные материалы Е.П. Орловой анализируются в аспекте методологического обеспечения полевых исследований этнографов-североведов в раннесоветский период и в контексте реализации масштабных проектов по изучению фото- и кинодокументирования Севера в 1920–1930-х годах. Показывается, что визуальное наследие Е.П. Орловой параллельно с этнографическим описанием демонстрировало многомерный образ Камчатки, включающий в себя разнообразие этнокультурных сюжетов. Фотоматериалы Е.П. Орловой находились в русле развития экспедиционной фотографии в 1920–1930-е годы в СССР и раскрывали особенности и темп процессов советизации на отдаленной камчатской территории. В этом отношении визуальный архив Орловой является значимым историческим источником в контексте советской визуальной антропологии.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00518]

В связи со столетним юбилеем образования СССР в этнографической науке актуализировалось изучение тех визуальных материалов, которые были созданы/собраны исследователями в 1920–1930-е годы. Социалистическую пятилетку (1928–1932) можно определить как время удачного соединения идеологического запроса (желание увидеть советский проект визуально воплощенным) с верой в силу фото- и кинотехники и адекватным уровнем их использования не только профессиональными фотографами и кинематографистами, но и учеными, проводившими комплексные географиче-

Статья поступила 05.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 08.12.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Головнева Е.В. Образы Камчатки в визуальном архиве этнографа Елизаветы Орловой // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 133–150. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020075> EDN: CKTSRR

Golovneva, E.V. 2024. Obrazy Kamchatki v vizual'nom arkhive etnografa Elizavety Orlovoi [Images of Kamchatka in the Visual Archive of the Ethnographer Elizaveta Orlova]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 133–150. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020075> EDN: CKTSRR

ческие, этнографические и краеведческие исследования в отдаленных частях Союза.

Предметом изучения в данной работе является визуальный архив¹, собранный профессиональным ученым, этнографом Елизаветой Порфирьевной Орловой (1899–1976) во время этнографических экспедиций на Камчатку в 1920–1930-х годах, в эпоху социалистического строительства края.

Актуальность обращения к данному источнику объясняется тем, что визуальный архив Орловой, содержащий уникальные этнографические материалы, до сих пор не получил должного внимания и осмысления в научной литературе. В отличие от других территорий Севера, по результатам изучения которых было подготовлено большое количество книг с фотографиями, картами и другими источниками, ситуация с визуальными материалами по Камчатке первой трети XX в. является гораздо менее благополучной (Крупник, Михайлова 2006: 190). Хотя имя и труды Орловой известны исследователям полуострова (МАЭ РАН: Д. 34), собранные ею камчатские визуальные документы в полном объеме до сих пор не введены в научный оборот².

Архив Орловой интересен тем, что он позволяет восстановить исторический и этнографический облик Камчатского края, в районах которого представители советской власти бывали в 1920–1930-е годы лишь эпизодически, а также — осмыслить процессы советизации края на начальном этапе. Анализ визуальных этнографических архивов, подобных архиву Орловой, дает возможность получить представление о принципах и приемах визуализации знания о народах и культурах в рамках развития методологических разработок и системно-теоретических наблюдений ученых в 1920–1930-х годах (Головнев 2021). Изучение данного архива можно также рассматривать в терминах “возвращения знания” (*knowledge repatriation*) (Krupnik 2001), поскольку с помощью фотографических изображений он восстанавливает в исторической памяти жителей Камчатки облик полуострова в первой трети XX в. Интересным представляется посмотреть и на то, какое место занимает камчатский визуальный архив Орловой в контексте реализации масштабных проектов по изучению фото- и кинодокументированию отдаленных регионов Союза в 1920–1930-х годах, каков его репрезентационный потенциал, каковы формальные элементы, посредством которых конструировался образ Советской Камчатки в период социалистических преобразований.

Источниковой базой данного исследования выступают архивные текстовые и визуальные материалы этнографа Орловой, которые хранятся в Камчатском краевом объединенном музее (г. Петропавловск-Камчатский), Быстринском этнографическом музее (с. Эссо, Камчатский край) и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург).

Камчатка на визуальной и этнографической карте СССР (1920–1930-е годы)

В 1920–1930-е годы обозначилась специфика культурного строительства в каждом регионе Страны Советов (Стейнберг 2022), закрепившаяся в продуцировании определенных визуальных образов советских территорий (Советский Туркестан, Советский Кавказ, Советская Сибирь и т.п.). Эти образы органично включались в формирование общей “визуальной карты” СССР как формы аккумуляции знаний о народах и культурах Союза и конституирования советского

сообщества (Орлова 2009; Хириш 2022: 206). Появившиеся в этот период этнографические, географические, религиозно-бытовые и другие карты “оказывались не только диспозицией действия, но и служили инструментом пропаганды, отражали сконструированные предпочтения и претензии власти” (Головнев 2022: 9). Не случайно на период социалистической реконструкции приходится разработка и реализация кинематографистами и учеными-этнографами просветительско-пропагандистского альманаха по кино- и картографированию, а также документированию народов и культур — “Киноатласа СССР” (Головнев 2020).

На “визуальной карте” Союза особое место занял и образ Советской Камчатки, которая начиная с 1923 г. (время установления в крае советской власти) наряду с другими регионами переживала процессы культурного и хозяйственного переустройства и в силу своей фронтирности и удаленности от центральной части страны представляла собой наименее освоенное Советами пространство (Гапанович 1926; Бергман 2000; Нечаев 2007).

Ученые, работавшие на Камчатке в первой трети XX в., в своих отчетах неизменно представляли регион как территорию малоизученную и труднодоступную, со слабо развитой транспортной сетью, тяжелыми бытовыми условиями и низким культурным уровнем населения. Так, исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, побывавший на полуострове в 1918 и 1923 гг., с горечью писал о нем как о “первобытной стране, забытой Богом” (АОИАК 1: Л. 103), где “публика самая разнообразная: коммерсанты, техники, рыбопромышленники, золотоискатели, рабочие, искатели приключений, разного рода бродяги и проходимцы, любители легкой наживы за счет обиженных судьбой чукчей, коряков и камчадалов” (Там же: Л. 104). На недостатки колонизации Камчатки указывал и И.И. Гапанович: “...за время совместной жизни с туземцами русские почти ничего не смогли передать им, а туземцы почти ничего не пожелали позаимствовать... Политическое просвещение сюда проникло лишь за последние годы, и, естественно, не могло пока оказать сколько-нибудь широкого и глубокого влияния на туземное мировоззрение” (Гапанович 1926: 22–23).

По переписи 1926 г. в обширном по размерам Камчатском округе насчитывалось всего 35 тыс. человек, примерно две трети из которых составляли коренные народности — ительмены и коряки, занимавшиеся охотой, рыболовством и морским зверобойным промыслом, а также переселившиеся сюда в XIX в. эвены (ламуты) — “оленные всадники” (МАЭ РАН: Д. 8. Л. 23–24). Эти народы

находились на различных ступенях первобытно-общинного строя, вели натуральное или полунатуральное хозяйство, не имели своей письменности... Продукты питания завозились сюда от случая к случаю и выгружались, где придется в самое позднее осеннее время. Почта и телеграф работали плохо, с большими перебоями. На бездорожной Камчатке главным транспортным животным были собаки... (Там же: Д. 26. Л. 1–2).

Очевидно, что данный регион, обладавший неисчерпаемыми природными ресурсами, имел стратегическое значение в рамках реализации советской национальной политики и рассматривался как перспективный в области осуществления культурного строительства, которое развернулось у народов севера Дальнего Востока на 5–8 лет позднее, чем в центральных областях европейской части России. Относительно Камчатки ставилась задача сделать полуостров своео-

бразным “показом социалистической стройки для стран Дальнего Востока, где трудящиеся массы со вниманием следят за советской работой, радуются успехам нашего строительства” (*Реске и др.* 1931: 14), совершить в крае “скачок через столетия” (*Литвинов, Поляновский* 1931). Идеологической основой такого подхода стало ленинское учение о некапиталистическом пути развития ранее отсталых народностей (МАЭ РАН: Д. 26. Л. 3).

В силу этих причин на Камчатский край в 1920–1930-е годы обратили внимание не только представители власти, но и профессиональные ученые-этнографы. Ставилась задача “ликвидировать белые пятна на этнографической карте СССР путем изучения неизученных народностей и преодолеть большое отставание этнографии среди других передовых отраслей науки в Советском Союзе” (Там же: Д. 9. Л. 3). Для этого была необходима организация комплексных экспедиций с целью монографического описания каждого из 26 народов севера СССР, сбора этнографических экспонатов для пополнения собраний музеев, где они сохранялись бы как свидетели культуры народов своей эпохи (Там же: Д. 9. Л. 1–2).

В июне 1924 г. был образован Комитет содействия народностям Севера при Президиуме ВЦИК, целью которого являлось “собрание необходимых сведений о жизни и нуждах малых народностей Севера, изучение их истории, культуры и быта” (Там же: Д. 26. Л. 3). С 1925 г., по свидетельству ученых-североведов, “начался планомерный выезд к малоизученным народам экспедиций Комитета Севера” (БЭМ: Д. 262/1. Л. 5). Новые сведения о хозяйстве и культуре северных народов позволила получить и Приполярная перепись, проводившаяся в 1926–1927 гг., когда в отдаленных районах Севера работали историки, этнографы, лингвисты, археологи.

В этом плане можно выделить, в частности, полевое исследование Н. Беретти, отразившее традиционную культуру и быт коряков Пенжинского, Олюторского и Карагинского районов Камчатки. В качестве сотрудников Корякской (Пенжинской) культбазы³ работали такие квалифицированные этнографы, как А. Аполлов, Н. Билибин, В. Крылов, И. Богданова, К. Бауэрман. Большой вклад в развитие письменности на языках народов Камчатки был сделан Г.М. Корсаковым, В.Г. Богораз-Таном, С.Н. Стебницким, Н.И. Леоновым, П.Е. Островских. Важным направлением проведения экспедиционных работ ученых-североведов в отдаленных регионах являлись в это время фотосъемка и этнографические зарисовки.

Особое место в научном изучении Камчатки в 1920-е годы занимает и деятельность Елизаветы Порфирьевны Орловой (1899–1976), принадлежавшей к старшему поколению этнографов школы Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз-Тана. Подход этих известных представителей ленинградской школы этнографии объединял в себе “этнографические, антропологические, лингвистические, искусствоведческие и педологические исследования на северном материале” (*Лярская* 2016: 169). Исследовательские опыты Орловой на Камчатке также носили по-настоящему комплексный характер: осуществление многолетней этнографической работы среди народов Сибири и Дальнего Востока, проведение переписи народов Камчатки (в составе группы с К.Э. Бауэрманом, К.Б. Шавровым и Ф.М. Физика) (*Антропова* 1972: 21), ведение преподавательской деятельности, создание алфавитов коренных малочисленных народов Севера. В 1920-е годы Орлова на Камчатке не только активно изучала быт и культуру ительменов, ко-

ряков, эвенков (ламатов), но и непосредственно сама участвовала в переустройстве их жизни. Она проводила свои научные изыскания в самых отдаленных частях полуострова. Следуя выражению В.Г. Богораза, Орлова, наряду с другими исследователями Севера, являлась “миссионером новой культуры”⁴.

Биографические сведения об Орловой содержатся в ее рукописях, дневниковых записях и машинописных текстах, которые хранятся преимущественно в архиве Камчатского краевого объединенного музея (ККОМ: Д. 23.: Л. 1–8). Основная часть этих данных была суммирована в биографическом очерке, подготовленном к изданию Н.А. Конышевой (Конышева 2012).

Камчатский фотоархив Е.П. Орловой: образы и нарративы

Образы Камчатки в визуальном архиве Орловой представлены как в фото снимках, сделанных ею самой во время экспедиций на полуостров в 1920–1930-е годы, так и в рисунках ее учеников (ламатов и коряков), собранных Орловой в этот период и подписанных самими авторами. Архив содержит также рисунки коряков (1928), которые стали иллюстрациями к статье Орловой “Коряки южной части полуострова Камчатки” (для журнала “Северная Азия”) (ККОМ: Д. 9. Л. 1–6). Кроме того, виды Камчатки, а именно — окрестностей сел Тигиль, Напана и Хайрюзово, можно увидеть в акварельных работах самой Орловой (Там же: Д. 23. Л. 16–17).

Примечательна судьба данного архива, которая может служить печальным примером обесценивания творческого наследия многих ученых в отечественной исторической науке. Пакеты и коробки с документами и фотографиями, принадлежавшими Орловой, были случайно обнаружены после ее смерти возле мусорных контейнеров на одной из улиц Петербурга. Их нашел местный житель Ю.А. Цвиркунов, который и передал архив в музей. В сопроводительном письме он указывал: “Пересылаю Вам найденные материалы из архива этнографа Е.П. Орловой, работавшей на Камчатке, Дальнем Востоке и Сахалине в 30-х гг. XX столетия... Я сам в 1966–1971 гг. работал геологом в Пенжинской экспедиции, и поэтому мне небезразлично культурное наследие, оставленное при изучении этого края” (Там же: Д. 23. Л. 1). По просьбе Ю.А. Цвиркунова архив Орловой в музей привезла его родственница, жительница Камчатки, и таким образом эти материалы оказались в г. Петропавловске-Камчатском.

Значительное место в визуальном архиве Орловой занимают детские рисунки коряков и ламатов, отражающие их повседневную культуру. Очевидно, Орлову они интересовали в качестве педагогического приема, позволявшего преодолеть дистанцию между исследователем и детьми народов Севера, которые не знали ее языка, не умели читать и писать. В этом установлении культурного контакта — через рисунки — можно увидеть использование эффективной педагогической методики, открытой и примененной этнографом в поле. Примечательно, что уже в 1920-х годах Орлова использует возможности детских рисунков, которые были одним из способов самовыражения и культурной репрезентации народов Камчатки, для этнографического изучения коренных жителей полуострова.

Поскольку рисунки, собранные Орловой, были проанализированы нами ранее (Головнева, Головнев 2019), в данной работе представляется возможным подробнее остановиться на фотоархиве этнографа, который включает в себя

десятки аннотированных Орловой фотоснимков, посвященных Камчатке и ее населению (ламутам, ительменам, корякам). Как отмечала сама Орлова в своем отчете, “при сдаче материала сделано 40 сводок, заполнено 1228 карточек. Кроме того, сделано около 60 снимков” (МАЭ РАН: Д. 1. Л. 1).

Значительная часть этих фотоматериалов была отснята в экспедиции 1926–1927 гг., во время которой Орлова тщательно обследовала Камчатку от Тигиля до Большерецка, продвигаясь по западному побережью полуострова; в результате ей удалось охватить все кочевое население вплоть до долины р. Камчатки на западе (Там же: Д. 1. Л. 1). По замечанию самой Орловой, ее “камчатский маршрут в 1926–1927 гг. составил около 2800 км, из которых около 2500 км ей пришлось преодолеть на собаках, 180 км на лошадях, около 120 км на кунгасах и батах” (БЭМ: Д. 259. Л. 19–20). Кроме того, в фотоархиве содержатся снимки начала 1930-х годов, выполненные Орловой и участниками ее экспедиции в Приморье и на Чукотке.

Всестороннее и детальное исследование быта и экономического положения населения Камчатского края потребовало от Орловой использования полевой фотосъемки, которая в первой трети XX в. уже являлась неотъемлемой частью долгосрочной научной экспедиционной работы и ранее применялась другими учеными при изучении полуострова. В этой связи особый интерес представляют: фотоматериалы, связанные с экспедиционной деятельностью В.К. Арсеньева на Дальнем Востоке; “Альбом Дыбовского”, содержащий обширную коллекцию фотоснимков, сделанных самим польским исследователем и его коллегами во время пребывания на Камчатке; не известные широкой аудитории “камчатские” фотоальбомы краеведа П.Т. Новограбленова; художественное и документальное кино о Камчатке А.А. Литвинова (“Девушка с Камчатки”, “Неведомая земля”) (Головнев, Головнева 2021).

Являясь ученицей Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, широко практиковавших сбор визуального материала (Willey 2001), Орлова также активно использовала фотосъемку во время проведения экспедиционной работы. В своих отчетах Орлова, например, особо отмечает необходимость включения в состав комплексных экспедиций профессионального художника-фотографа (МАЭ РАН: Д. 9. Л. 3).

Фотографии Орловой (1926–1927) содержат следующие виды изображений:

1) антропологические типы ламутов, ительменов, коряков (“Ительменка Мария Красноярова из с. Хайрюзово”, “Михаил Заев, ительмен сел. Утхолок, студент ИНСа”, “Ительмен с. Хайрюзово Ефим Шадрин”);

2) оленеводство (“Ламутские упряжки оленей”);

3) кочевка (“Табун ламута И. Банаканова. Камчатка. р. Быстрая”, “Олени на отдыхе в районе Куккук, Камчатка, Быстринский р-н”);

4) населенные пункты (с. Тигиль, с. Хайрюзово, с. Сопочное, с. Эссо, с. Анавай);

5) традиционные занятия (вытапливание рыбьего жира при помощи раскаленных камней, просушка пушнины, разделка убитого медведя, устройство капкана на зайца, плавание оленя, устройство юкольника, подвозка дров);

6) шаманизм (“Шаман”);

7) места поклонения (“Священная скала, перед которой ламуты приносят жертвы”);

8) священные деревья (“Лиственницы. Камчатка в верховьях р. Быстрой”);

Рис. 1. Ламуты Коерковы и Солодиковы с верховьев р. Ичи, Камчатка. 1927
(Фото Е. Орловой. Камчатский краевой объединенный музей. ОФ 37380/95)

9) пейзажи (“Ключевская сопка с р. Еловка”);

10) жилища и хозяйственные постройки (“Балаган ламутов на р. Быстрой”, “Камчатка. Юрта председателя ламутского Тузрика К. Банаканова на р. Быстрой”, “Юрта ламутов Тылкановых Быстринского р-на Камчатки”, “Надворные постройки в с. Напана”, “Заводы икрыной и кирпичный в с. Хайрюзово”);

11) праздники (“Праздник у коряков. Начало бега оленей”);

12) танец (“Ламутский национальный танец “Норгали”);

13) мир детства (“Дети оседлого населения ительменов (камчадалов). Село Хайрюзово”, “Хайрюзовская начальная школа”);

14) одежда (“Ламут”, “Семейство ламутов Солодиковых с р. Ичи Камчатка”, “Портрет ительмена с женой”);

15) ученики Орловой (“Корякская группа Дальневосточного техникума народов Севера, рук. И.П. Кузнецов”, “Второй выпуск школьного отделения Дальневосточного техникума народов Севера, 20 мая 1932 г.”, “Студенты ДВ ТНС”).

Даже предварительный анализ фотоархива Орловой демонстрирует, что сюжеты ее полевой фотосъемки, изображающие Камчатку, характеризуются разнообразием и в то же время избирательностью, продиктованной конкретными исследовательскими задачами. Так, визуальные материалы (фото, рисунки, карты) наглядно иллюстрировали подробное этнографическое описание и, очевидно, требовались для демонстрации процесса создания школ и письменности у народов Камчатки, для получения знаний о формировании понятий и пространственных представлений у детей северян, для показа устройства хозяйства и промыслов и решения многих других практических задач.

С одной стороны, фотографии Орловой аннотированы ею лично и иллюстрируют комплексность проведенного ею исследования народностей Камчат-

Рис. 2. “Заводы” икряной и кирпичный в с. Хайрюзово, Камчатка. 1926
(Фото Е. Орловой. Камчатский краевой объединенный музей. ОФ 37380/58)

ки. Они могут быть распределены по соответствующим рубрикам (напр., физико-географическая среда, пути и средства сообщения, физический тип, одежда, пища, промыслы и занятия, социальная культура и т.д.) и являются иллюстрациями к этнографическому описанию. Например, фотография «“Заводы” икряной и кирпичный в с. Хайрюзово» (1926) сопровождается следующий текст: «Изредка в селениях встречаются “поварни”— коптильни для рыбы. Это легкие постройки под травяными крышами. Стены их состоят или из частокола плетня или сколочены из длинных плашек. Такая “поварня” служит в то же время “икряным заводом”, например, в с. Хайрюзово» (МАЭ РАН: Д. 4. Л. 35).

С другой стороны, как видно из приведенного перечня, сюжеты полевой фотосъемки Орловой свидетельствуют о жанровом разнообразии советской экспедиционной фотографии в целом. В фотоархиве присутствуют, например: антропологическая фотография, как портретная (изображение ламута во весь рост, спереди и сзади), так и производившаяся на фоне жилищ, ландшафтов (“Ламуты Коерковы и Солодиковы с верховьев р. Ичи, Камчатка”), пейзажная панорамная фотосъемка и в большом количестве — фотографии, фиксирующие основные сюжеты из повседневной жизни народов Камчатки. Эти снимки предоставляют данные по этнографии повседневности, позволяющие изучать образ жизни северных детей (играющие дети на улице и др.), а также дают возможность получить представление о гендерной специфике изучаемых народов (изображения межэтнических семей ламутов, коряков, ительменов, оленные перекочевки мужчин и др.).

Особую ценность представляют фотографии, выполненные “тематическими сериями”, позволяющими проследить процесс исполнения какого-либо обряда. К этому типу визуальных материалов относятся, к примеру, фотоснимки, изображающие религиозные обряды коряков. Так, в своей работе “Религиозные верования коряков полуострова Камчатка” Орлова пишет о фотофиксации шаманского обряда:

Мне удалось несколько раз снять шаманов: коряки шли на это охотно, но предупреждали “только на улице бить в бубен никак, а то все время чипко пурга будет... ветер большой будет, в дороге держать будет...” В шаманском костюме выходить на улицу для фотографирования отказались, говоря, что в яранге можно как угодно сниматься, а на улице никак (ККОМ: Д. 25. Л. 1, 6).

Орлова также сумела подготовить фотоматериалы о корякском погребальном обряде. Из ее воспоминаний: “Мне удалось заснять весь обряд погребения у оседлых коряков-рыболовов селения Караги; выборки из съемки привожу в печати как документы, свидетельствующие о долговечности, живучести старых приемов в обряде погребения” (БЭМ: Д. 104. Л. 1–3). В архиве Орловой присутствует лишь упоминание об этой практике; к сожалению, самой серии фотографий, показывающей процесс проведения религиозного обряда, обнаружить не удалось.

Являясь представительницей ленинградской школы этнографов-североведов, изучавших не только прошлое Сибири и ее народов, но и современное их положение (*Лярская* 2016: 169), на протяжении длительного времени Орлова осуществляла визуальные исследования социалистических хозяйственных преобразований на Камчатке, развертывания на полуострове культурно-просветительской работы. Она отмечала:

В течение 36 лет ительмены, эвены и коряки полуострова Камчатка были предметом моих непосредственных наблюдений. Это достаточный срок для того, чтобы убедиться в тех колоссальных изменениях, которые произошли в быту, культуре, расселении, национальном составе и во всей хозяйственной жизни аборигенов Камчатки, в частности ительменов — остатков древних обитателей полуострова (*Орлова* 1999: 7).

И далее: “По всем селениям, в которых я побывала, у меня собраны исчерпывающие цифровые данные для характеристики современного состояния населения и хозяйства народов Севера Камчатской области, которые потребуют тщательной и длительной обработки” (ККОМ: Д. 23. Л. 11).

И если в своей диссертации по ительменам-камчадалам (1947), написанной по итогам северных экспедиций 1920–1930-х годов, Орлова говорила об успехах советизации на Камчатке в плане развития образования и медицинского обслуживания (МАЭ РАН: Д. 26), то полевые визуальные наблюдения за развитием тех же территорий в 1961 г. позволили ей отметить недостатки и просчеты в организации и планировании культурно-просветительской и хозяйственной деятельности на Крайнем Севере. По словам этнографа,

мы пробудили у народов Севера тягу к свету и знанию, а пастухи в табунах оленей живут также, как жили в неолите: в юртах, на шкурах, в антисанитарных условиях, без уборных и возможности помыться, без электрического света, без кино, без радио. Пастухи-оленоводы пользуются всякой возможностью, чтобы приехать в селение, послушать радио и посмотреть кино (Там же: Д. 26. Л. 30).

В целом в начале 1960-х годов Орлова отмечает серьезные изменения в культурной и хозяйственной жизни народов Камчатки:

Рис. 3. Камчатка. Юрта председателя районного Тузрика К. Банаканова. 1926
(Фото Е. Орловой. Камчатский краевой объединенный музей. ОФ 37380/46)

Быт народов Севера Камчатки меняется очень быстро, все настойчивей входят в жизнь новые отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство и хозяйство становится многоотраслевым, сильна метизация с русскими и другими соседними народностями, русский язык стал общепринятым языком населения Камчатки... (Там же: Д. 15. Л. 2).

Визуальный архив Е.П. Орловой в контексте фото- и кинодокументирования народов Севера

Этнографическое знание о народах и культурах СССР в контексте социалистического строительства продуцировалось и распространялось в 1920–1930-х годах не только профессиональными этнографами, но и кинематографистами (Головнев 2021). Кино в эти годы стало важным стимулом для расширения диапазона этнографической науки. Так, на знаковом для истории отечественной этнологии совещании этнографов Ленинграда и Москвы в 1929 г. один из основателей советской этнографии Н.М. Маторин отмечал:

Этнографы могут популяризировать научные основы и практические результаты советской национальной политики посредством организации просветительской работы, музеев, устройства лекций, выставок, рабочих университетов, издания специальной литературы, выпуска кинофильмов и пр. Разве не известно, что у нас бывают безграмотные кинофильмы без правильной постановки? Здесь наши корректировки чрезвычайно важны (Арзютов и др. 2014: 347).

Задачу визуального фиксирования жизни народностей советских окраин и процессов переживаемых ими культурной и хозяйственной трансформаций выполняли в это время культурфильмы⁵ пропагандистско-просветительского 150-серийного документального альманаха “Киноатлас СССР” (Сытин 1929: 71). В регламенте проекта предписывалось:

...кроме развертывания краеведческого комплекса данного района, в каждой фильме Атласа должна быть также и определенная “установка на будущее”, т.е. надо фильмы Атласа строить так, чтобы каждый посматривший фильму получил не только точные и исчерпывающие сведения о крае, а также ясно представил пути, по которым этот край будет развиваться (Там же: 71).

В 1920–1930-е годы были организованы киноэкспедиции на Камчатку для создания киноочерков (Кино-очерки 1936; В тишине 1936) и четырех документальных фильмов: двух обзорных киноматериалов о полуострове – “Неведомая земля” и “Таинственный полуостров” – и двух этнографических – “Тумгу” (о коряках) и “Оленный всадник” (об эвенах) (Головнев, Головнева 2021: 145). Значительную известность получили фильмы “Камчатка” режиссера Н.Д. Константинова (1927) и “Terra incognita” режиссера А.А. Литвинова при научном консультировании В.К. Арсеньева (1931) (АОИАК 2: Л. 14). Эти фильмы не только показывали различные аспекты жизни края (хозяйственные, этнокультурные и т.п.) 1920–1930-х годов, но и повествовали о его советизации, внося свой вклад в дело культурного строительства СССР и реализацию переселенческой политики.

Судя по биографическим сведениям, Орлова как этнограф сосредоточилась на культурно-просветительской деятельности в Камчатском крае. В отличие от других исследователей полуострова (В.К. Арсеньева, П.Т. Новограбленова), она не выступала в роли научного консультанта в фильмах о Камчатке 1920–1930-х годов, ее фотоснимки не использовались для создания культурфильмов о Камчатском крае. Тем не менее визуальный архив Орловой, несомненно, имеет большое значение в деле кино- и фотодокументирования народов Севера в период социалистической реконструкции и является важным этапом в развитии визуальной этнографии в СССР в целом.

Прежде всего, на наш взгляд, визуальные материалы Орловой 1920-х годов помогли создать объемную, комплексную картину реального положения дел на окраинах Союза – на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, поскольку служили научными визуальными свидетельствами развития края. Экспедиционные фотографии, рисунки, картсхемы, выполненные на Камчатке, позволяли современникам Орловой, этнографам-североведам, включиться в обсуждение значимых для этнографического знания вопросов в 1920–1930-х годах, разрабатывать стратегию проведения полевой экспедиционной работы (Батьянова 2013: 17). В частности, выводы и рекомендации Орловой относительно этнокультурных процессов на Камчатке, о путях развития хозяйства народностей Севера были использованы в исследованиях известного ученого-североведа И.С. Гурвича (Гурвич 1990; Степанова 2019).

Кроме того, фотосъемка Орловой, выполненная в экспедиционных условиях, являлась эффективным инструментом фиксации этнографической реальности и “высвечивала” актуальные задачи в области экономического развития народов

Севера. Например, на основе собранных на Камчатке в период 1926–1961 гг. материалов Орлова говорила о сложностях “переброски” коренных народов края в новые места, о негативных перспективах ведения хозяйственной деятельности на новых переселенческих территориях, ухудшении экологического природопользования и сложностях установления коммуникаций, распространении алкоголизма у северных народов (МАЭ РАН: Д. 26. Л. 25, 27).

Очевидно, что благодаря проведению трудоемких научных изысканий в отдаленных районах Камчатки и детальной письменной и визуальной фиксации быта и культуры ее народов Орловой как этнографу удалось преодолеть некоторую фрагментарность в восприятии края, присущую отдельным ее современникам⁶. Выработав собственную методологию исследований, предусматривавшую сплошную выборку населенных пунктов и их детальное изучение при построении маршрутов экспедиции, составление этнографической карты Камчатки и картсхем, создание визуального архива, сбор рисунков и чертежей, выполненных представителями народов Севера, Орлова делает вывод о значимости “туземного” потенциала в деле освоения края. Визуальный архив Орловой параллельно с этнографическим описанием демонстрирует более сложный, многомерный образ Камчатки, включающий в себя разнообразие этнокультурных сюжетов. В то же время в фотоматериалах Орловой 1926–1927 гг. выявляется устойчивость традиционных сфер хозяйства среди коренного населения края, что является визуальным доказательством сложностей и противоречий внедрения нового социалистического быта в традиционную культуру народов Камчатки.

* * *

Таким образом, обращение к визуальному архиву Орловой показывает, что ее исследования проложили новый экспедиционный маршрут на Камчатку в 1920–1930-х годах, способствовали развитию методологического обеспечения полевых этнографических и лингвистических изысканий в крае, развертыванию культурно-просветительской работы и полноценно включали в себя метод визуальной фиксации.

В визуальном архиве Орловой мы видим разнообразие этнографических сюжетов, которые охватывают самые разные стороны жизни человека на Камчатке. Безусловно, это способствовало созданию целостного визуального образа природы и населения края и позволило зафиксировать те аспекты социальной реальности, которые не нашли отражения в текстах о полуострове.

С методологической точки зрения, создание подобных фотоматериалов позволило этнографам-североведам включиться в обсуждение важных вопросов, касающихся как развития самого этнографического знания в 1920–1930-х годах, так и проведения национального районирования. Кроме того, визуальные материалы Орловой, содержащие информацию о народах и культурах СССР, способствовали росту значимости экспедиционных фотографий в познании отдаленных от центра регионов, придавая им специфику фоторепортажа, отражавшего актуальное состояние развития фронтальных территорий. Фотоснимки, изображавшие довольно изолированный традиционный образ жизни ительменов, коряков, эвенов Камчатки в 1920–1930-х годах, показывали особенности и темп процессов советизации на отдаленной территории и являлись важным этапом развития визуальной этнографии в СССР в целом.

Примечания

¹ Термин “визуальный архив” используется в данном случае как зонтичное понятие, объединяющее все многообразие визуальных документов (рисунки, фотографии, карты), связанных с экспедиционной работой исследователя.

² Некоторые итоги работы с визуальными материалами (рисунками) Орловой были представлены в нескольких публикациях (см.: *Головнева, Головнев* 2019; *Головнев, Головнева* 2021).

³ Культбаза — комплекс административных, просветительских, лечебных, производственных учреждений у народностей Севера в 1920–1930-е годы.

⁴ Термин “миссионер новой культуры” — выражение известного этнографа-североведа В.Г. Богораза. Богораз утверждал: “Мы должны посылать на Север не ученых, а миссионеров новой культуры и советской государственности” (*Богораз-Тан* 1925). Исследования Орловой, проведенные среди ительменов, коряков и алеутов, находятся в одном ряду с научной работой других известных ученых, которые занимались изучением Сибири и Дальнего Востока, выпускниками этноотделения, — Г.М. Василевич (эвенки), Е.А. Крейновича (нивхи), С.Н. Стебнищского (коряки), Н.Б. Шнакенбурга (чукчи).

⁵ Культурфильм — просветительский и идеологический жанр документального кино, первоначально получивший развитие в Германии и призванный отражать социальные изменения. В СССР культурфильмы широко распространились в 1920–1930-е годы как часть специализированной индустрии государственного производства и проката визуальных медиапродуктов (наряду с киножурналами, кинолетописями). Образцом культурфильма является, например, документальный фильм “Шестая часть мира” Д. Вертова (1926).

⁶ Например, в уже упоминавшейся работе “Камчатка” советского исследователя И.И. Гапановича, изучавшего в 1922–1927 гг. экономическую, социальную и культурную жизнь края, описывается ситуация в регионе в целом, без выделения его этнокультурной специфики. В итоге И.И. Гапанович приходит к выводу о примитивном характере существования туземцев и считает русское население носителем культуры и экономическим двигателем на Камчатке (*Гапанович* 1926).

Источники и материалы

АОИАК 1 — Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 14. Оп. 6. Д. 36: Арсеньев В.К. Путешествие на Камчатку в 1918 г. Дневники экспедиций и путешествий Арсеньева В.К. в 1907, 1912–1913, 1917–1918, 1922, 1923 гг.

АОИАК 2 — Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56: Докладные записки, отзывы, переписка и др. материалы по участию В.К. Арсеньева в работах дальневосточной экспедиции.

Богораз-Тан 1925 — *Богораз-Тан В.Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. № 3. С. 40–50.

БЭМ — Быстринский этнографический музей (с. Эссо, Камчатский край). Д. 104: Орлова Е.П. Обряд погребения и погребальная одежда коряков Камчатской области; Д. 259: Орлова Е.П. Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926–1927); Д. 262/1: Орлова Е.П. Изменения быта и культуры народов Севера, Камчатки в советский период. Часть 1. Ительмены и коряки (1963–1964).

В тишине 1936 — В тишине хребтов // Камчатская правда. 1936. № 174 (2044). С. 4.
Гапанович 1926 — *Гапанович И.И.* Камчатка: природа, население, хозяйство. Владивосток: Книжное дело, 1926.

Кино-очерки 1936 — Кино-очерки о Камчатке // Камчатская правда. 1936. № 172 (2042). С. 4.

ККОМ — Камчатский краевой объединенный музей. Документы и фотодокументы из архивного фонда № 173 “Орлова Елизавета Порфирьевна —

ученый — этнограф”. ОФ 37380. Д. 9: Рисунки коряков южной части полуострова Камчатка; Д. 23: Автобиография Орловой Елизаветы Порфирьевны (рукопись); Д. 25: Религиозные верования коряков полуострова Камчатки (рукопись).

Литвинов, Поляновский 1931 — *Литвинов А.А., Поляновский М.Л.* Скачок через столетия. Дневник Камчатской киноэкспедиции. М.: Молодая гвардия, 1931.

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1: Отчет о работе, проделанной сотрудником переписи Е.П. Орловой в Тигильском, Усть-Камчатском и Большерецком районах Камчатского округа; Д. 4: Орлова Е.П. Камчадалы-ительмены (монография). Ленинград, 1946; Д. 8: Орлова Е.П. Передвижение населения на северо-востоке Азии с середины XVII века до наших дней; Д. 9: Тезисы доклада Е.П. Орловой на совещании этнографов в мае 1956 г.; Д. 15: Тезисы доклада Е.П. Орловой на сессии Института этнографии АН СССР 6—12 апреля 1959 г. (рукопись); Д. 26: Орлова Е.П. Этнические процессы у малых народностей севера Камчатки, происходящие в советский период; Д. 34: Е.П. Орлова — сибиревед-этнограф.

Сытин 1929 — *Сытин В.А.* Киноатлас // Кино и культура. 1929. № 4. С. 71—72.

Научная литература

Антропова В.В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930-е гг.) // Советская этнография. 1972. № 6. С. 19—27.

Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Д. (ред.) От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5—11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956—1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17—34.

Бергман С. По дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2000.

Головнев А.В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022.

Головнев И.А. “Киноатлас СССР”: история проекта // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 12—24. <https://doi.org/10.17223/22220836/38/2>

Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920—1930-х годов). СПб.: МАЭ РАН, 2021.

Головнев И.А., Головнева Е.В. Образы Дальнего Востока в визуальных документах рубежа XIX—XX вв. СПб.: Нестор-История, 2021.

Головнева Е.В., Головнев И.А. “Рисуня Камчатку”: архивные и современные репрезентации региона в детских рисунках быстринских эвенков // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 28—47. <https://doi.org/10.17223/2312461X/23/3>

Гурвич И.С. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духовной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: сборник научных трудов / Ред.-сост. В.Н. Булатов и др. М.: НИИК, 1990. С. 198—204.

- Коньшьева Н.А. От сельской учительницы до кандидата наук (материалы об Е.П. Орловой – этнографе, исследователе культуры народов Сибири и Дальнего Востока в фондах КГБУ ККОМ) // “О Камчатке: ее пределах и состоянии...”: материалы XXIX Крашенинниковских чтений / Науч. ред. И.В. Витер. Петропавловск-Камчатский: Камчатская краеведческая научная библиотека им. С.П. Крашенинникова; Информационно-издательский центр, 2012. С. 133–138.
- Крупник И., Михайлова Е. Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.
- Лярская Е. “Ткань Пенелопы”: “проект Богораза” во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.
- Нечаев А. Камчатка. Горячая земля у студеного моря. М.: ЛОГАТА; Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007.
- Орлова Г. “Карты для слепых”: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО “Вариант”; ЦСПГИ, 2009. С. 57–105.
- Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Ч.М. Таксами. СПб.: Наука, 1999.
- Реске Н.А., Шелепин Л.В., Рубинский В.И. (ред.) О Камчатке: как рабочим и колхозникам переселиться на Камчатку. М.: Советская Азия, 1931.
- Стейнберг М. Пролетарское воображение: личность, модернность, сакральное в России, 1910–1925. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022.
- Степанова Л.Б. Экспедиционный фотоархив И.С. Гурвича: гуманитарный проект советской визуальной антропологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 96–105. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.96>
- Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Krupnik I. Beringia Yupik “Knowledge Repatriation” Project Completed: Some Team Members’ Reflections // Arctic Studies Center Newsletter. 2001. № 9. P. 27–29.
- Willey P. Photographic Records of the Jesup Expedition: A Review of the AMNH Photo Collection // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1987–1902 / Eds. I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. Washington, D.C.: Arctic Studies Center; National Museum of Natural History; Smithsonian Institution, 2001. P. 317–326.

Research Article

Golovneva, E.V. Images of Kamchatka in the Visual Archive of the Ethnographer Elizaveta Orlova [Образы Камчатки в визуальном архиве этнографа Елизаветы Орловой]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 2, pp. 133–150. <https://doi.org/10.31857/S0869541524020075> EDN: CKTSRR ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena Golovneva | <https://orcid.org/0000-0002-0709-4615> | golovneva.elena@gmail.com | St. Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Elizaveta Orlova, visual anthropology, field photo project, ethnographic photography, Kamchatka native people, Russian Far East, USSR Ethnographic Atlas

Abstract

The article draws on archival findings to examine the body of visual materials collected by the Leningrad ethnographer and scholar of the Siberian North and the Russian Far East Elizaveta Orlova (1899–1976) during her trips to Kamchatka in the 1920s–1930s which was the period of the socialist development of the region. I attempt to analyze Orlova's legacy in the context both of methodologies employed by the early Soviet ethnography of the North and of large-scale projects for the visual documenting of Northern culture that were launched during the period. I argue that Orlova's visual work went in parallel with the traditional ethnographic description to provide the multifaceted image of Kamchatka rich in cultural and ethnic diversity. Orlova's visual materials should be seen as representative of the ethnographic field photography that was developing in the USSR of the 1920s–1930s. They help us understand the dynamics and specifics of sovietization in the then faraway land and remain a valuable historical and anthropological source for scholarly inquiry.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00518]

References

- Antropova, V.V. 1972. Uchastie etnografov v prakticheskom osushchestvlenii leninskoi natsional'noi politiki na Krainem Severe (1920–1930-e gg.) [Participation of Ethnographers in the Practical Implementation of the Leninist National Policy in the Far North (1920–1930s)]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 19–27.
- Arzyutov, D.V., S.S. Alymov, and D.D. Anderson, eds. 2014. *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 apreliia 1929 g.)* [From Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014.
- Batyanova, E.P. 2013. The North Expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991). *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 17–34.
- Bergman, S. 2000. *Po dikoi Kamchatke* [On Wild Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatskii pechatnyi dvor.
- Golovnev, I.A. 2020. “Kinoatlas SSSR”: istoriia proekta [“Cine-Atlas of the USSR”: The History of the Project]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie* 38: 12–24. <https://doi.org/10.17223/22220836/38/2>
- Golovnev, I.A. 2021. *Vizualizatsiia etnichnosti v sovetskom kino (opyty uchenykh i kinematografistov 1920–1930-kh godov)* [Visualization of Ethnicity in Soviet Cinema (Experiences of Scientists and Cinematographers in the 1920s–1930s)]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Golovnev, A.V. 2022. *Severnost' Rossii* [Northernness of Russia]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Golovnev, I.A., and E.V. Golovneva. 2021. *Obrazy Dal'nego Vostoka v vizual'nykh dokumentakh rubezha XIX–XX vv.* [Images of the Far East in Visual Documents of the Turn of the 19th – 20th Centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Golovneva, E.V., and I.A. Golovnev. 2019. “Risuiia Kamchatku”: arkhivnye i sovremennye reprezentatsii regiona v detskikh risunkakh bystrinskikh evenov

- ["Drawing Kamchatka...": Archival and Contemporary Representations of the Region in Children's Pictures of the Bystrinskiye Evens]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 28–47. <https://doi.org/10.17223/2312461X/23/3>
- Gurvich, I.S. 1990. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR (issledovanie voprosov material'noi i dukhovnoi kul'tury) [Northern Expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (Research of Issues of Material and Spiritual Culture)]. In *Problemy izucheniia istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Studying the Historical and Cultural Environment of the Arctic: Collection of Scientific Papers], edited by V.N. Bulatov, 198–204. Moscow: NIIK.
- Hirsch, F. 2022. *Imperiia natsii: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soiuz*a [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Konysheva, N.A. 2012. Ot sel'skoi uchitel'nitsy do kandidata nauk (materialy ob E.P. Orlovoi – etnografe, issledovatele kul'tury narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka v fondakh KGBU KKOM) [From a Village Teacher to a Candidate of Sciences (Materials about E.P. Orlova – Ethnographer, Researcher of the Culture of the Peoples of Siberia and the Far East in the Collections of the KGB KKOM)]. In *"O Kamchatke: ee predelakh i sostoianii..." : materialy XXIX Krashennikovskikh chtenii* ["About Kamchatka: Its Limits and Condition...": Materials of XXIX Krashennikov Readings], edited by I.V. Viter, 133–138. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatskaia kraevedcheskaia nauchnaia biblioteka im. S.P. Krashenninnikova; Informatsionno-izdatel'skii tsentr.
- Krupnik, I. 2001. Beringia Yupik "Knowledge Repatriation" Project Completed: Some Team Members' Reflections. *Arctic Studies Center Newsletter* 9: 27–29.
- Krupnik, I., and E. Mikhailova. 2006. Peizazhi, litsa i istorii: eskimosskie fotografii Aleksandra Forshteina (1927–1929 gg.) [Landscapes, Faces and Stories: Eskimo Photographs by Alexander Forshtein (1927–1929)]. *Antropologicheskii forum* 4: 188–219.
- Liarskaia, E. 2016. "Tkan' Penelopy": "proekt Bogoraza" vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-kh gg. ["Penelope's Cloth": The Bogoras Project from the Late 1920s–1930s]. *Antropologicheskii forum* 29: 142–186.
- Nechaev, A. 2007. *Kamchatka. Goriachaia zemlia u studenogo moria* [Kamchatka: Hot Land at the Cold Sea]. Moscow: LOGATA; Petropavlovsk-Kamchatskii: Novaia kniga.
- Orlova, E.P. 1999. *Itel'meny. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Itelmen: Historical and Ethnographic Essay], edited by Ch.M. Taksami. St. Petersburg: Nauka.
- Orlova, G. 2009. "Karty dlia slepykh": politika i politizatsiia zreniia v stalinskuiu epokhu ["Maps for the Blind": Policy and Politicizing the Vision in Stalin Era]. In *Vizual'naia antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme* [Visual Anthropology: Regimes of Visibility under Socialism], edited by E.R. Yarskaia-Smirnova and P.V. Romanov, 57–105. Moscow: OOO "Variant"; TsSPGI.
- Reske, N.A., L.V. Shelepin, and V.I. Rubinskii, eds. 1931. *O Kamchatke: kak rabochim i kolkhoznikam pereseli'sia na Kamchatku* [About Kamchatka: How Workers and Collective Farmers Can Move to Kamchatka]. Moscow: Sovetskaia Aziia.
- Steinberg, M. 2022. *Proletarskoe voobrazhenie: lichnost', modernost', sakral'noe v Rossii, 1910–1925* [Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925]. Boston: Academic Studies Press; St. Petersburg: Bibliorossika.

- Stepanova, L.B. 2019. Ekspeditsionnyi fotoarkhiv I.S. Gurvicha: gumanitarnyi proekt sovetskoi vizual'noi antropologii [Expedition Photo Archive of Ilya S. Gurvich: Humanitarian Project of the Soviet Visual Anthropology]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya, Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* 27: 96–105. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.96>
- Willey, P. 2001. Photographic Records of the Jesup Expedition: A Review of the AMNH Photo Collection. In *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1987–1902*, edited by I. Krupnik and W.W. Fitzhugh, 317–326. Washington, DC: Arctic Studies Center; National Museum of Natural History; Smithsonian Institution.